

Н. Л. Дмитриева
(Санкт-Петербург, Россия)

О БИЛИНГВИЗМЕ В РУКОПИСЯХ ПУШКИНА

Известно, что в первой половине XIX в. двуязычие (а не просто владение вторым языком) являлось «синонимом культурности», «нормой для русского культурного человека»¹. Известно также, что для Пушкина (как и для иных представителей образованного дворянства) французский был «вторым родным языком»², но, вероятно, Пушкин выделялся своим превосходным владением этим «вторым языком»: однокашник Пушкина С. Д. Комовский вспоминал, что Пушкин «при поступлении в Императорский Царскосельский лицей особенно отличался <...> превосходным знанием французского языка и словесности»³. Лицейское прозвище «Француз» также наверняка возникло не на пустом месте.

¹ Паперно И. А. О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 155.

² Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 62.

³ Комовский С. Д. Воспоминания о детстве Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 56.

Впрочем, даже если бы до нас не дошли свидетельства современников (и притом известно, что мемуары — не самый надежный источник), существует неоспоримый свидетель пушкинского билингвизма — рукописи поэта, в первую очередь — черновые.

Язык творчества для Пушкина — всегда только русский. Французский в прозе, драматургии, «Евгении Онегине» — это либо художественный прием, либо знак времени, характерная черта эпохи, но не более. Его Татьяна пишет свое письмо-признание по-французски (иначе и не могло быть в силу социально-исторических причин), но автор создает русский текст. Письма барышень в «Романе в письмах» тоже, конечно, должны быть написаны по-французски. Отклик Пушкина на роман Загоскина «Рославлев» подан в форме записок дамы и сопровождается ремаркой «перевод с французского»: записки образованной дамы могли быть написаны только по-французски. Однако сам текст — русский.

Иное дело — не литературное творчество: «...мысль самого Пушкина в непосредственном, “предлитературном” выражении сплошь и рядом оформлялась двуязычно: одновременно и по-французски и по-русски»⁴. При необходимости записать, зафиксировать те или иные мысли, набросать план или конспект он использует то один, то другой языки, а нередко они перемежаются. В. В. Виноградов писал, что у Пушкина наблюдается «предпочтение французского языка русскому в тех случаях, когда требовалась быстрая, беглая, но богатая смысловыми ассоциациями запись для себя...»⁵. Рукописи свидетельствуют, что это не всегда так: иногда предпочтение отдается француз-

⁴ *Маймина Е. Е.* Стилистические функции французского языка в переписке Пушкина и в его поэзии // Проблемы современного пушкиноведения: Межвузовский сборник научных трудов ЛГПИ им. А. Н. Герцена. Л., 1981. С. 58.

⁵ *Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.; Л., 1935. С. 239.

скому, но иногда русский оказывается более выразительным и емким средством. При этом если в ряде случаев можно найти объяснения выбора языка, то в других предпочтение того или иного языка кажется абсолютно нелогичным.

Логично, например, написание наброска «*La libération de l'Europe*» по-французски: Пушкин сделал этот набросок при чтении сочинений Гейне во французском переводе. Или, например, понятно, почему конспект дела Марьи Шонинг, сделанный им для задуманного произведения о процессе над ней, целиком французский: описания дела и процесса были взяты Пушкиным из французского сборника. Не менее логичным кажется и составление плана истории русской литературы по-русски. Но вдруг в плане появляется французская фраза: «*Les Epîtres des patriarches et des tzars ne sont pas purement de la littérature...*» («Послания патриархов и царей не являются в точном смысле литературой...») — Т. 12. С. 208). Почему русское существительное «царь» обозначено по-французски «*tzar*»? Уж конечно, не в силу большей выразительности французского языка, — вероятно, просто по причине спонтанного обращения мысли Пушкина к французскому.

В определенных случаях французский язык действительно является более емким способом выражения идей: так, в своих критических работах Пушкин неоднократно прибегает к использованию французского для истолкования понятий, которые, как ему кажется, недостаточно четко обозначаются средствами русского языка. Отмечая, что «русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии»⁶, Пушкин считает необходимым дать французский «разъясняющий» вариант к целому ряду абстрактных понятий: «Некто справедливо заметил, что про-

⁶ *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 13. С. 187. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

стодушие (*naïveté, bonhomie*) есть...» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» — Т. 11. С. 34). Русское слово «простодушие» отсутствует в Академическом словаре пушкинской эпохи. Или — «...трагедия, комедия, сатира все более требуют творчества (*fantaisie*)...» («Возражения на статьи Кюхельбекера в “Мнемозине”» — Т. 11. С. 42): семантика французского существительного «*fantaisie*» шире, чем русского «творчество».

Впрочем, в иных случаях и русский может оказаться «разъясняющим», «истолковывающим»: так, во французских письмах Пушкина неоднократно появляются русские вставки, призванные служить средством объяснения, выделения, убеждения. В письме к брату от 7 апреля 1825 г. Пушкин по-французски объясняет ему, что следует делать, чтобы вести переписку с Анной Николаевной Вульф: «*On vous permet d'écrire des lettres — mais sous l'adresse de notre sœur...*» («Вам позволено писать письма, но *надписанные нашей сестрой...*» — Т. 13. С. 160). Последние слова выделены, но этого кажется недостаточно, и Пушкин добавляет в скобках по-русски: «пойми!». Во французском письме к Осиповой (ей он писал всегда по-французски) вдруг появляется русский текст — это письмо от 29 июля 1831 г., где речь идет о холере. Рассуждения, как следует поступать, чтобы не заболеть, как бы звучащие более убедительно, даны по-русски: «Болезнь повальная, а не зараза, следовательно, карантин лишнее; нужны одни предосторожности в пище и в одежде» (Т. 14. С. 201)..

Вообще иноязычные вставки в письмах — чрезвычайно любопытная вещь. Например, при передаче поклона или поручения другому лицу выбирается тот язык, который использовался бы при прямом обращении. В письме к сестре (письмо целиком французское) появляются русские строчки, вписанные под адресом: «Няня заочно у вас, Ольга Сергеевна, ручки целует — голубушки моей» (Т. 13. С. 209) — это буквальная передача няниных слов. В русском письме к брату (4 сентября 1822 г.) встречается одна

французская фраза: «Mon père a eu une idée lumineuse — c'est celle de m'envoyer des habits — rappelez-la lui de ma part» («Отцу пришла блестящая идея — прислать мне платье, — напомни ему об этом от меня» — Т. 13. С. 430). По-нятно, на каком языке объяснялись и переписывались Пушкин с отцом. Все немногочисленные дошедшие до нас письма Пушкина к отцу написаны по-французски. В русском письме П. А. Вяземскому (8–10 октября 1824 г.) Пушкин вставляет одну французскую фразу — это поклон княгине В. Ф. Вяземской, — комплиментарное обращение к даме должно прозвучать по-французски: «En attendant mettez moi à ses pieds et dites-lui qu'elle est une âme charmante» («А покамест передай, что я припадаю к ее стопам, и скажи, что она — прелестная душа» — Т. 13. С. 111). (В скобках отметим, насколько сильна традиция, — в письмах, написанных по-французски, всегда используется обращение на «вы». И в письме к брату, и в письме к Вяземскому по-русски Пушкин обращается к своим корреспондентам на «ты», но как только он переходит на французский, возникает обращение на «вы». Тем более маркировано единичное «ты» — «tu» в одном из французских писем к Керн: «Votre conseil d'écrire à S<a> M<ajesté> m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi — je t'en remercie à genoux» («Ваш совет написать его величеству растрогал меня, как доказательство того, что вы думали обо мне, — на коленях благодарю тебя за него» — Т. 13. С. 228).) Письма, конечно, не то же самое, что черновики; известно к тому же, насколько особым явлением была переписка в пушкинскую эпоху, как важен был выбор языка, но все-таки и здесь можно иногда проследить некую, так сказать, неумышленность, непосредственность в выборе языка. Известно, как важна была для Пушкина смена языков в его письмах к Наталье Николаевне — невесте и жене. Письма к невесте (требование этикета) пишутся по-французски, однако и тут изредка появляется русский язык: в письме от 18 ноября 1830 г. свой

разговор со зрителем он передает по-русски (сам разговор, естественно, велся по-русски), но и далее, как бы по инерции, Пушкин продолжает писать по-русски: «...нечего делать — еду назад <...> сижу в Болдино да кисну» (Т. 14. С. 125). Есть русская вставка в письме от 2 декабря, а письмо, написанное около 29 октября, — целиком русское: «...я по-французски браниться не умею, так позвольте мне говорить вам по-русски...» (Т. 14. С. 118). В написанных по-русски письмах к жене (а это, как известно, сознательный выбор языка) французский все-таки изредка проскальзывает. В письме от 2 сентября 1833 г. читаем: «...об городе скажу только тебе *les rues sont larges et bien pavées, les maisons sont bien bâties*» («...улицы широкие и хорошо мощенные, дома построены основательно» — Т. 15. С. 76). Почему появился французский? Потому ли, что о Нижнем Новгороде больше нечего сказать — только французскую фразу, звучащую как штамп? Конечно, устойчивые словосочетания всегда были «под рукой» и, вероятно, всплывали в памяти в нужный момент. Из письма к Наталье Николаевне от 11 июня 1834 г.: «...потому что, *toute réflexion faite*, не он виноват...» («...в сущности говоря...» — Т. 15. С. 159). Французский фразеологизм «*tour de force*» («трюк», «ловкий фокус») встречается в русских письмах к Гнедичу (27 сентября 1822 г.), Вяземскому (начало апреля 1824 г.). Выражение «*à la lettre*» («буквально») вторгается в русский текст писем к Соболевскому (ноябрь 1827 г.), Н. Н. Пушкиной (3 июня 1834 г.) и т. д.

Конечно, абсолютная непосредственность, спонтанность обращения к тому или иному языку наблюдается в черновиках, в первую очередь планах, набросках, в заметках для себя. Большинство планов «Русского Пелама» написаны по-русски, тем заметнее появление отдельных французских слов: «Русский Пелам сын барина — воспитан французами — Отец его *frivole* в русск. роде — Пелам — двоюродный брат его *médiocre freluquet*...» (Т. 8. С. 973). Появление французского «*frivole*» объясняется,

вероятно, тем, что для Пушкина это сугубо французское понятие, о чем свидетельствует русский эпитет «в русском роде». Можно предположить, что в данном случае мысль работает по-русски: так, дальше употреблено «двоюродный брат», а не весьма распространенное «cousin». Но эпитет к «двоюродному брату» дан по-французски. Для существительного «freluquet» (оно, правда, написано неразборчиво) наиболее близкий русский эквивалент «ветреник». Но похоже, это русское слово для Пушкина подразумевает определенный оттенок снисходительного отношения. Он пишет жене, неверно написавшей адрес, «экая ветреница». В стихотворении «Ответ» слово «ветренность» сопровождается определением «милая»: «Здесь город чопорный, унылый, / Здесь речи — лед, сердца — гранит; / Здесь нет ни ветренности милой, / Ни муз, ни Пресни, ни харит» (Т. 3. С. 211). Французское существительное получает эпитет «médiocre» — «ничтожный». Оценочный нюанс — совсем иной. Понятно, что в определенных случаях выбор языка может быть обусловлен семантическими причинами. Например, в планах к «Роману на Кавказских водах» прочитывается: «Soirées в калмыцкой кибитке». В русском существует одно существительное «вечер», во французском — два слова: «soir» — «вечер» и «soirée» — «вечернее время, время, проводимое вечером». Использование французского «soirée» в сочетании с несколько экзотически звучащей «калмыцкой кибиткой» на самом деле совершенно оправданно: речь идет о времяпрепровождении в калмыцкой кибитке. Впрочем, часто выбор того, а не иного языка не продиктован причинами семантического порядка: просто то или иное слово раньше пришло на ум. В тех же планах «Романа на Кавказских водах» постоянно чередуются оба языка, причем встречаются двуязычные варианты одного и того же слова: «воды» — «les eaux»; «черкесы» — «des tcherkes»; «дуэль» — «duel». Однако, вероятно, Пушкину никак не приходили на ум русское «похищать», «похищение» — он неизменно пишет по-французски «enlever»,

«enlèvement»). Иногда, очевидно, переход на другой язык осуществляется следующим образом: появилось хотя бы одно слово на другом языке, и мысль начинает работать дальше на этом языке. Один из планов незавершенного произведения «Гости съезжались на дачу...» начат на французском: «Une scène du grand monde», а затем по-русски: «на даче у» (Т. 8. С. 554); вероятно, «дача» появилась потому, что этот русский вариант вернее передает реалию русской жизни, во-французском труднее найти нужный эквивалент. Слово «дача» повлекло за собой дальнейший русский текст: «комната полна...». Точно так же один из планов «Русского Пелама» начат по-русски, но появление написанной по-французски фамилии «Zavadovski» послужило причиной написания дальнейшего текста по-французски. Как бы зацепившись за отдельное иноязычное слово, мысль целиком обратилась к другому языку.

Рукописи свидетельствуют: когда Пушкин не обращается осознанно к возможностям использования одного из двух языков, когда речь идет об уровне подсознательного, оба языка равны: он одинаково готов использовать один и другой языки. Пушкинские рукописи являют нам совершенно уникальный пример той легкости, с которой поэт мог перейти с одного языка на другой, и, что самое удивительное, не только в конспектах или набросках, а при создании поэтического текста. В 1825 г. в рабочей тетради (ПД 835, л. 56 об.) Пушкин начерно набрасывает строки стихотворения об увядающих розах — символе тленности, скоротечности бытия: «Лишь розы увядают...». Стихотворение не получается, поэт оставляет работу на русском языке и тут же, на том же листе, не меняя пера и чернил, продолжает развивать ту же тему по-французски. Во французском варианте возникает новый мотив — роза увядает на груди возлюбленной или на челе пирующего мужчины: «Quand au front du convive, au beau sein de Délie / La rose éblouissante a terminé sa vie...» («Когда на челе пирующего, на прекрасной груди Делии / Ослепительная роза кончила

жизнь свою...» — Т. 2. С. 924). Ритм и размер изменились, но образ остался тем же. Французский вариант имеет еще более незавершенный вид, чем русский. Стихотворение так и не было написано ни по-русски, ни по-французски (те строки, которые принято печатать, — это реконструкция Т. Г. Зенгер-Цявловской — Т. 2. С. 376, 377). Обращение Пушкина ко «второму родному» языку в данном случае в определенной степени спонтанно, может быть, вызвано тем, что мотив увядающей розы, розы, вянущей на груди красавицы, был необычайно широко распространен во французской поэзии, эта роза была, по определению М. П. Алексеева, «розой подражателей Анакреона»⁷. Такой переход на другой язык — своеобразная разминка, проба пера, может быть, даже отдых. Будучи билингвом и поэтом от Бога, Пушкин мог бы писать стихи и на французском (ведь он превосходно знал как мэтров поэзии, так и средних ее представителей), но это не увлекало его. Он творил на русском и стремился развивать язык своего отечества. Во французском же он черпал средства для русской литературы и языка и не мог не прибегать к его использованию — это получалось произвольно. Весьма вероятно, что и он задавался вопросом, который позже задал себе другой «русский француз», И. С. Тургенев, написав в русском письме французскую фразу: «Почему я это написал по-французски? — Неизвестно»⁸.

⁷ Алексеев М. П. Споры о стихотворении «Роза» // М. П. Алексеев. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 370.

⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1987. Т. 3. С. 187.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЯЗЫКИ
РУКОПИСЕЙ

Санкт-Петербург
2000